РОЛЬ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ И.А. ИЛЬИНА В ЮРИДИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ

© 2018 г. М. Н. Поскачина

Юридический факультет Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, Якутск
E-mail: ms.marina4@mail.ru

Поступила в редакцию 03.10.2017 г.

В настоящей статье рассматривается методологическая концепция И.А. Ильина и раскрывается ее общетеоретический характер, направленный на обоснование разных способов изучения права.

Ключевые слова: правопознание, методологический ряд, методологическая индифферентность, стиль мышления.

DOI: 10.7868/S0132076918050128

Процесс выявления и изучения закономерностей развития права сопровождается теоретическими и методологическими аспектами его изучения. С этой точки зрения проблема единства предмета и метода юридической науки остается основной в теории познания и дискуссионной в теории права. Как нам представляется, одним из способов решения этой проблемы является создание классификационной модели данной науки, в основу которой заложены два основания: предмет и метод. По предмету целесообразно выделять юридическое познание и догму права. По методу целесообразно рассматривать научное познание и методологический плюрализм. Эти два основания тесно связаны между собой, но могут быть изучены в отдельности. В настоящей статье представлена попытка синтеза этих двух оснований, посредством которого раскрываются содержание методологического ряда понятий в методологической концепции И.А. Ильина и ее значение в юридическом познании, допуская, что в современных условиях данная концепция способна объяснить причину того, почему на смену формальной логике приходят новые мыслительные технологии в сфере гуманитарного познания, в том числе познания юридического. Этот общий тезис характеризуется двумя основными положениями. Первое из них. Методологическая мысль И.А. Ильина весьма оригинальна. И.А. Ильин создал методологический ряд понятий права и силы с точки зрения общей методологии юридических дисциплин. Особенностью этой методологической концепции является ее ориентированность на синтез общетеоретического и отраслевого юридического знания, так как теоретический анализ начинается с осознания того факта, что “некоторые общие точки зрения, складывающиеся за последнее время в философии и философии права, намечают тот путь, движение

по которому позволит внести в эту проблему необходимый аналитический свет”¹.

Анализ этой особенности приводит к следующим суждениям. Основанием изучения соотношения права и силы, по мнению И.А. Ильина, выступают три важные особенности: эта проблема играет видную роль в истории политических учений; практическая жизненность изучаемого вопроса и ее теоретическая сложность. Обращая внимание на эти особенности, И.А. Ильин исходит из того, что данная научная проблематика тесно связана как с содержанием философских, политических и правовых доктрин, так и с интересом к нему со стороны представителей отдельных дисциплин. В этом плане автор подчеркивает общетеоретический характер проблемы и потому утверждает, что “сущность воззрения на право и силу не может быть понята ни в одной исторически известной нам доктрине, если мы не сделаем предварительно попытки определить эти понятия в терминах современной науки: ибо процесс уяснения отживших учений состоит по существу в переводе их на язык современных понятий”². По его мнению, политик-практик, говорящий о силе права и о праве силы, должен себе ясно представлять все внутреннее, логическое значение этих словосочетаний. Для И.А. Ильина право «есть некоторое в высшей степени сложное и многостороннее образование, обладающее целым рядом отдельных сторон и форм “бытия”. Каждая из этих сторон входит в сущность того, что именуется общим названием “право”, но каждая из них представляет по своему существу нечто до такой степени своеобразное, что предполагает и требует особого наряду с другими специального определения и рассмотрения. Если общее изучение опускает хотя бы одну из этих сторон, то оно неполно; если

¹ Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. / сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. Т. 4. Понятия права и силы (Опыт методологического анализа). М., 1994. С. 8.

² Там же.

изучение одной из них бессознательно сливается с другой, то возникает опасность методологических смешений, могущих иногда прямо обесценить все исследование. Эта точка зрения, таким образом, признает, что нет единого универсального и исключительного способа изучения права, который вытеснил бы и заменил все остальные, сделал бы их излишними, ненужными. Способов изучения права много; и каждый из них в отдельности ценен, необходим и незаменим. Вера в спасительный методологический монизм падает и уступает место принципиальному признанию *методологического плюрализма*³. В результате происходит расслоение юридических наук уже не только по характеру регулируемых отношений, но и по способу рассмотрения права, как такового.

Познание права И.А. Ильин именуется *правопознанием*, констатируя тем самым специфику права в контексте научного познания. Прежде всего эта специфика обнаруживается в том, что каждая юридическая наука имеет свою методологию. Поэтому получается не одно определение права, а несколько, может быть, и много, и ни одно из этих определений не может и не должно претендовать на исключительность. По определению И.А. Ильина, эти отдельные способы рассмотрения образуют два методологических ряда правопознания. Первый методологический ряд образует понятия, принадлежащие к одному ряду и стоящие по отношению к понятиям другого ряда в плоскости, по своему существу своему несходной, иной, чужеродной. Другой ряд правопознания называется индифферентным, поскольку такие ряды не только не дают ответа на вопросы, возникающие и стоящие в другом ряду, но даже терпят их перенесения и постановки в другой сфере. Они характеризуются «как ряды взаимно индифферентные в методологическом отношении, и сознание этой индифферентности есть одна из ближайших и важнейших задач всего правоведения в целом»⁴.

В качестве примера философ приводит историческое и социологическое рассмотрение правовых явлений, которые родственны друг другу. По его мнению, они иногда сливаются и переливаются друг в друга. Точно так же имеют некоторые точки соприкосновения философская оценка правовых явлений и политико-теологическое рассмотрение. Например, догматическая разработка норм права, имеющая целью построить систему юридических понятий, и социологическое объяснение правовых явлений движутся в двух совершенно различных плоскостях, в известном отношении могут стать в положение взаимно индифферентных рядов, а в определенных вопросах обнаружат даже прямую противоположность.

В трактовке И.А. Ильина сущность принципа методологической индифферентности состоит в известном, условно допускаемом познавательном приеме логического отвлечения от одних сторон права при рассмотрении других его сторон, т.е. «познавая право в логическом ряду, мы отвлекаемся от тех сторон его, которые характеризуют его как реальное явление. Здесь противопоставляются не два явления, но, с одной стороны, право

как явление, а с другой — право как нечто, рассматриваемое вне плоскости реального»⁵.

Эти суждения о праве И.А. Ильина имеют прямое отношение к решению одной важной задачи, содержащей несколько самостоятельных вопросов: «есть ли возможность того, что известный методологический ряд правоведения или, может быть, несколько методологических рядов окажутся сродными той научной плоскости, в которой стоит понятие силы. И если... такое... возможно, то... проследить и указать, для каких именно рядов это возможно и насколько; есть ли у права такая сторона, которая *никоим образом* не терпит методологически сближения или тем более отождествления его с силой. И если есть, то какая это сторона», то есть «в каких значениях право становится силой и какие меры могут содействовать или препятствовать праву в осуществлении его функции»⁶.

Выдвинутые мыслителем вопросы носят дискуссионный характер, и исследователи оценивают их по-разному. Но при их рассмотрении следует учитывать высказывания И.А. Ильина относительно понятия силы, имеющие всегда онтологическое значение. Так, И.А. Ильин различает натуралистическую, или наивно-реалистическую, метафизическую и критическую точки зрения. Потому с натуралистической точки зрения «сила является реальной способностью эмпирически реальных вещей», а с точки зрения метафизической «сила может получить тройное значение: сила или составит сущность самой субстанции (так было у Лейбница), или она является атрибутом субстанции (так было у Спинозы), или же она получит значение самостоятельного в своей сущности атрибута, свободное от принадлежности субстанции субстрату (так было у Фихте Старшего). Во всех этих трех случаях сила имеет метафизическую реальность»⁷.

С точки зрения критической теории познания сила получает значение понятия, применяемого к данным чувственных созерцаний (т.е. к явлениям и только к явлениям) рассудком, создающим опыт как совокупность научно-достоверных утверждений; это есть понятие, служащее для объяснения чувственно-реальных феноменов. В этом случае сила сама не есть нечто реальное, но является понятием, применимым только к тому, что само чувственно-реально⁸, как было у Канта.

Важно то, что для И.А. Ильина понятие силы играет ведущую роль в научном познании права, и он помещает данное понятие в реальный ряд, поскольку эти три различные точки зрения относительно понятия силы могут образовывать новые, более сложные учения: оттенки эмпирический с метафизическим как у Ницше, или критический с метафизическим, как у Шопенгауэра. И, соответственно, общей чертой силы является помещение ее в реальный ряд. Сила или сама реальна — эмпирически или метафизически, во времени и вне времени, самостоятельно или зависимо, или же есть принцип для познания реального, т.е., исходя из этого, И.А. Ильин выделяет метафизическую реальность силы, строящуюся

⁵ Там же. С. 11.

⁶ Там же. С. 12.

⁷ Там же. С. 13.

⁸ См.: там же.

³ Там же. С. 9, 10.

⁴ Там же. С. 10, 11.

вне данности, из понятия, и эмпирическую, строящуюся из данности, из созерцаний и восприятий. Все то, что помещается в тот познавательный ряд, в котором живет представление о силе, помещается с методологической точки зрения в ряд реальный: получаем само значение реального, метафизически реального.

В трактовке И.А. Ильина под силой всегда разумеется способность реального к действию. Сила есть всегда способность, составляет ли она самую сущность вещи, или только свойство ее, или играет роль рассудочной категории: с понятием силы всегда связывается представление о некоторой способности — или остающейся в чисто потенциальном состоянии, или уже осуществляющейся. При этом она обыкновенно связывается с представлением о каком-нибудь носителе, который сам является членом реального ряда: элементом внешнего мира или элементом психической жизни. И.А. Ильин также указывает на такие свойства силы, как самоподдержание (у Спинозы), саморазвитие (у Фихте), причинное определение других элементов реального ряда (у Канта и эмпириков). Рассматривая причинное значение силы как способности быть причинно определяющим моментом в сфере физической или психической, И.А. Ильин обращается к Гегелю, к его понятию идеального начала вроде идеи “духа”. В конечном итоге он заключает: для того чтобы понятие права сблизилось с понятием силы или тем более поглотилось им, необходимо, чтобы оно само переносилось в онтологический ряд, чтобы право так или иначе само становилось членом реального ряда, получало значение чего-то реального. Поэтому он утверждает, что “если сила мыслится как метафизическая сущность, то право получает значение метафизической реальности, если же сила получает значение метафизической реальности, то право получает значение эмпирической реальности, т.е. право мыслится как реальное, существующее во времени”⁹.

Эти теоретические суждения о методологических рядах, доступных праву, т.е. с каких методологических точек зрения можно подходить к праву, основаны на рассмотрении понятия права в объективном и субъективном смыслах. В этом направлении И.А. Ильин создает логическую схему: право — норма — порядок. Он рассматривает смысл каждого элемента схемы в отдельности: право есть норма и совокупность норм; норма — это суждение, устанавливающее известный порядок как должный; порядок есть постоянное отношение между элементами множества. Этот порядок устанавливается в норме как должный.

По убеждению И.А. Ильина, если суждение устанавливает известное постоянное отношение между элементами множества как обобщение, добытое анализом временной или пространственно-временной данности, т.е. действительности, то оно формулирует закон, который он считает позитивным. Как результат индуктивного исследования право рассматривается, как оно есть, т.е. о типичных отношениях между элементами существующего. Суждение бывает двух видов: психический акт и условная связь между двумя понятиями, т.е. мыслимыми содержаниями, субъектом и предикатом, которая обозначается термином и выражается

в “частичном” совпадении двух понятий. По мнению И.А. Ильина, «употребляя термин “суждение”, мы берем его во втором значении». Ученый считает необходимым оговорить это особенно потому, что русский язык еще не знает особого термина для логического понятия “суждение” и особого — для психологического понятия “суждение”¹⁰. Завершает свои рассуждения И.А. Ильин мыслью о том, что термин “право” есть норма в развернутом виде, и она гласит: право есть суждение, т.е. выраженная в словах связь между двумя мыслительными содержаниями, выражающаяся в их частичном логическом совпадении, которое устанавливает известный порядок, т.е. известное как постоянное отношение между элементами множества, как должный. Или право есть норма, норма есть суждение¹¹.

Вышеприведенный анализ позволяет сформулировать тезис о близости методологического подхода И.А. Ильина методологическим подходам Г.П. Щедровицкого и Л.А. Микешиной. В частности, в представлениях Г.П. Щедровицкого теоретический мир как особая реальность подкрепляется признанием “мира мышления как особой субстанции, существующей в социокультурном пространстве, то есть в пространстве между людьми, а не в голове отдельного человека”¹². Он утверждает, что мир мышления должен быть положен как новая реальность — отдельно от реальности материи и противостоящей ей. Впервые о мире мышления и о мире деятельности он писал в 1966 г., ссылаясь на В. фон Гумбольдта, считавшего, что язык овладевает человеком. В связи с этим Г.П. Щедровицкий полагает, что “не человек осуществляет мышление, а мышление использует человека как агента. Мышление как бы вбирается отдельным человеком, а потом в том же виде или с некоторыми изменениями передается дальше”¹³. С точки зрения Г.П. Щедровицкого, концептуализм, или субъективно-психологическое понимание мышления, берущее начало с Абельяра, есть “величайшая и самая значительная по своим последствиям научная ошибка в последнюю тысячу лет”¹⁴. Он считает, что история методологических исследований XVIII — XIX столетий — это история непрерывных колебаний между внешне-объективным и субъективно-психологическим пониманием мышления.

Лишь в первой четверти XX в. происходят резкое отвержение и разрушение субъективно-психологической точки зрения, выдвижение на передний план “логицизма”. Как полагает Г.П. Щедровицкий, практически психологизм ничего не дал теории мышления. Но, развивая эту мысль, он положительно отзывался о гештальтпсихологии, о школах Ж. Пиаже и Л.С. Выготского как антагонистов психологизма. Он согласен и с В.С. Швыревым, что логика исследует не мышление, а правила формального выведения. Но это относится к формальной логике. Одновременно методолог собирается построить содержательно-генетическую логику как эмпирическую науку.

¹⁰ Там же. С. 19.

¹¹ См.: там же. С. 19.

¹² *Щедровицкий Г.П.* Философия. Наука. Методология. М., 1997. С. 10.

¹³ Там же. С. 255.

¹⁴ Там же. С. 232.

⁹ Там же. С. 15.

Поэтому отрицание психологии мышления для него выглядит вполне логично, так как это расчищает дорогу для построения новой, эмпирической логики.

Мыследеятельность, по Г.П. Щедровицкому, — это «структура, состоящая из разнородных элементов. Каждый ее элемент включен в свой особый закон развития, реализуемый с помощью специфических механизмов. Закономерности деятельности могут быть поняты только тогда, когда мы берем эту структуру как целое»¹⁵. Практически его основная принципиальная схема мыследеятельности содержит три относительно автономных пояса, расположенных горизонтально один над другим: 1) пояс социально организованного и культурно закрепляемого коллективно-группового мыследействования (МД); 2) пояс полифонической и полипарадигматической мысли-коммуникации, выражающейся и закрепляющейся прежде всего в словесных текстах (М-К); 3) пояс чистого мышления, развертывающегося в невербальных схемах, формулах, таблицах картах, диаграммах и т.п. (М). Центральным в этой трехпоясной схеме является пояс М-К, так как именно он соединяет в одно целое правую и левую части схемы, а два других пояса могут рассматриваться как лежащие по разные стороны от оси М-К¹⁶. По свидетельству его коллег, принимавших активное участие в этой работе, они стремились выявить логику работы в самом широком смысле данного слова, подвергнуть ее анализу, критике и нормировке.

В этом прослеживается одна из важнейших и специфических характеристик коллективной работы, которая, собственно, и делает ее методологической. Такой методологической подход, или методологическое мышление, средствами и методами которого они постоянно работали, привели к тому, что объяснили роль методологии и ее отношение к таким традиционным образованиям, как наука. Как правило, они противопоставляли методологию и методологическое мышление науке и научному

мышлению как новый и принципиально иной тип организации мышления и деятельности. Более того, они считали, что методологическое мышление во всех областях практики должно вытеснить и вытолкнуть научное мышление. Но это же положение, как легко сообразить, устанавливает новый ряд отношений между научным и методологическим мышлением: второе рассматривается как историческое продолжение первого, как развитие его, надстраивающееся над первым и его поглощающее или включающее в себя. Это, следовательно, будет новая, более высокая форма организации человеческого мышления в целом¹⁷.

В современной науке актуализированы понятия «картина мира», «стиль познания» и «стиль мышления», которые глубоко и полно проанализированы в работах Л.А. Микешинной, обосновавшей эпистемологию ценностей. По мнению автора, в теоретическом плане указанные феномены представляют собой языковые и когнитивные формы и системы, обусловленные культурой. Но системный характер культуры предполагает, что она не может быть передана посредством показа, она растворена в них: в стиле познания, стиле мышления и картине мира. Эти высказывания имеют методологическое значение в юридическом познании: появляется возможность понять и объяснить, что современная методологическая ситуация может быть оценена как отображение результатов применения бинарной оппозиции построения конвенциональной системы знания и программ исследования научного познания. Следовательно, можно утверждать, что конструирование юридико-методологического знания происходит по принципу «либо-либо» в отношении его противоположных свойств и сторон. Этот принцип является основой всякого рассудочного мышления с его разведением противоположностей по различным аспектам или уровням конвенциональной системы знания. Конструктивным же принципом мышления на более высоком его уровне — на уровне разума является диалектический синтез противоположных характеристик данной системы. Все это требует учета и применения в процессе юридического познания.

¹⁵ Там же. С. 262.

¹⁶ См.: Схемы мыследеятельности: предпосылки и условия возникновения у Г.П. Щедровицкого. Мышление. Понимание. Рефлексия. М., 2005. С. 775.

¹⁷ См.: там же. С. 315, 321.

THE METHODOLOGICAL ROLE OF THE CONCEPT OF I.A. ILYIN IN LEGAL KNOWLEDGE

© 2018 M. N. Poskachina

*The law faculty of North-Eastern Federal University named M.K. Ammosov, Yakutsk
E-mail: ms.marina4@mail.ru*

Received 3.10.2017

This article discusses the methodological concept of I.A. Ilyin and reveals its General theoretical nature aimed at substantiating the different aspects of the study of law.

Key words: sense of justice, a number of methodological, methodological indifference, thinking style.